

Рок не стал терять ни минуты и сразу же отправился к Джеффри Томасу.

Время перевалило за полдень. Рок перекусил купленным по дороге сэндвичем — благо теперь не приходилось переживать, что его сумасшедший рабочий темп окончательно вымотает напарника. Огромный плюс Эски заключался в том, что при любых нагрузках он ухитрялся сохранять идеальную физическую форму и ясность ума.

После недавней аварии Рок со скрипом согласился пустить Эску за руль. Правда, сперва заставил предъявить электронные права — хотя спорный вопрос, можно ли считать поездку с андроидом чем-то отличным от обычного автопилота.

— Томас — врач, и это многое объясняет. Например то, почему место преступления вылизано до блеска, — рассуждал Рок. — И этот смертельный удар, пробивший трахею... Если бы удалось отыскать орудие убийства у него дома...

Впрочем, надежда была слабой. Тело и орудие убийства — главные улики. Избавься от них без шума и пыли, и жестокая расправа превратится в банальное дело о пропаже без вести, которое со временем просто покроется пылью в архивах.

— Вы действительно считаете Джеффри Томаса убийцей, детектив Брейн?

— Скажем так: вероятность крайне высока. Он как минимум побывал там уже после того, как все случилось, — ответил Рок. — Будучи пастором, он прекрасно знает округу, постоянно навещает прихожан. Кому, как не ему, знать все слепые зоны уличных камер и то, как не попадаться на глаза соседям.

— Мне не всегда понятны человеческие метафоры. Каков, по-вашему, его мотив? Зачем ему убивать Камиллу?

— А для священника осквернение божьего промысла — недостаточно веский повод?

— Если он религиозный фанатик, то, пожалуй, да. Но Камилла вела затворническую жизнь, занималась дизайном и никого не трогала. Даже будь она заядлой атеисткой, этого мало для расправы, — возразил Эска. — В конце концов, человеческие верования слишком запутаны, в религиях полно течений и сект. Если бы фанатики убивали каждого инакомыслящего, им просто не хватило бы на это ресурсов. Никакой маньяк не справится с таким объемом работы.

— Забавная формулировка: «не справится с объемом работы», — хмыкнул Рок. — Вот и мне не дает покоя этот вопрос. Чем именно Камилла могла так глубоко оскорбить чувства верующего? И даже если это не Джеффри Томас, а кто-то другой, религиозный подтекст очевиден. Ты говорил, что ветка вяза отсылает к первой женщине, созданной богами. Но ведь это скандинавский миф, он расходится с библейским ветхозаветным сюжетом. Сходится лишь одно — концепция божественного творения человека.

— Логика подсказывает, что тот, кто засунул ветку в рот жертве, и тот, кто оставил послание на зеркале, — разные люди.

— А это дельная мысль. Представь: первый проникает в дом, убивает Камиллу и оставляет во рту ветку вяза. Позже заявляется второй, натывается на труп, но вместо того чтобы звонить в полицию, преспокойно поднимается в спальню и пишет на зеркале цитату. Если так, дело принимает совсем скверный оборот.

— И все же строить обвинение лишь на смешении двух разных мифологий неосмотрительно, — заметил Эска. — Люди часто мешают вымысел в кучу. В Библии бог создал растения на третий день, а в скандинавских легендах боги вырезали людей из деревьев. Одно не обязательно исключает другое в сознании верующего. Люди легко уживаются с мыслью, что у каждого народа свои боги, или же верят в единого создателя, который просто открывался разным культурам под разными именами.

— Логично, — кивнул Рок. — К тому же вероятность того, что в доме Камиллы наследили двое разных людей и при этом не оставили ни единой улики, ничтожно мала. Если только второй не заметал следы за первым. Ладно, гадать бессмысленно, нужно сначала прижать этого Томаса.

Весь сегодняшний день превратился в бесконечную гонку по кругу.

Спустя полчаса над верхушками деревьев показался острый шпиль местной церкви.

Сегодня была не служба, так за стойкой детективов встретила обычная приходская служащая, ведавшая мелкими делами.

— Пастор Джеффри принимает прихожан по воскресеньям, — вежливо пояснила она.

Рок предъявил значок и спросил, где сейчас можно найти священника.

— С понедельника по пятницу он работает в нашей окружной больнице, — словоохотливо застрекотала женщина, похожая на типичную домохозяйку. — Только поспешите, скоро приемные часы закончатся, и он уйдет домой.

Дорога до госпиталя заняла от силы минут пять. Рок успел поймать его без десяти шесть.

Джеффри Томас и не думал скрываться — видать, был железобетонно уверен, что сухим выйдет из воды. Вполне возможно, что сам он никого не убивал, однако Рок чуял: этот добропорядочный любимец местной публики замешан в деле Камиллы по самые уши.

— Господин Томас, я детектив Рок Брейн, это мой напарник Эска Уайт. Нам нужно задать вам несколько вопросов. Найдется пара минут?

— Разумеется, — приветливо отозвался Джеффри.

Сьюзан не преувеличивала: мужчина был чертовски хорош собой, а его обезоруживающая улыбка и ясный взгляд чистых голубых глаз мгновенно располагали к себе. Для врача и уж тем более для пастыря такое врожденное обаяние — половина успеха.

Рок скользнул взглядом по кабинету. Даже для медицинского учреждения здесь царила пугающая, почти стерильная чистота. Ни соринки на полу, ни пылинки на мебели. Папки, бумаги и канцелярские приборы на столе лежали настолько идеально ровно, словно к ним вообще никто никогда не прикасался.

Пастор Джеффри — впрочем, сейчас скорее доктор Джеффри — жестом пригласил гостей на кожаный диван и с мягкой улыбкой приготовился слушать.

— Насколько нам известно, вы служите пастором в местной церкви.

— Да, вся округа об этом знает. В будни я врачую бранные тела, а по воскресеньям мы вместе очищаем души. Разве это не прекрасный союз науки и веры?

— И когда же вы отдыхаете при таком графике?

— Для меня само пребывание под сенью храма — лучший отдых. Божественный свет забирает у нас все тяготы и грехи.

— Что ж, раз ваше время расписано по минутам, перейдем сразу к делу. Вы знали Камиллу Эванс?

— Мисс Эванс? Ну конечно.

Рок цепко следил за его мимикой и интонациями. Джеффри держался безупречно, но опытного сыщика этим было не провести — допрос только начинался.

— В каких отношениях вы состояли?

— В отношениях?.. Да практически ни в каких. Мы виделись всего дважды. В первый раз я просто мельком заметил ее на улице, когда она только переехала, а я шел на смену в больницу. Второй раз случился недели две назад. Община устраивала День свободы вероисповедания — мы приглашали людей разных взглядов, чтобы развеять предрассудки и наладить диалог. Поскольку мисс Эванс никогда не заглядывала к нам, я решил зайти и позвать ее лично.

— И как она отреагировала?

— Вежливо отказалась, — ответил Джеффри. — Было видно, что она не выносит пустой светской болтовни. Любые незваные гости вызывали у нее глухую защиту, но если проявить чуть больше дружелюбия и настойчивости, она робела и терялась.

Здесь пастор не врал. Рок и сам по материалам дела понял, что Камилла была классическим интровертом-затворником.

— Я успокоил ее, сказав, что в отказе нет ничего страшного. Я уважаю чужой выбор. Просто добавил, что если ей понадобится поддержка — будь то по медицинской или духовной части, — наши двери всегда открыты, и вкратце рассказал о программах социальной помощи.

— Она впустила вас в дом?

— Да. Кажется, она просто растерялась и не сообразила, как выставить меня за дверь.

— Нам нужна точная дата и время.

— Это было за три дня до мероприятия. Двенадцатого числа прошлого месяца, около двух часов дня, — Джеффри нахмурился, в его голосе прорезалось беспокойство. — Позвольте спросить, детектив, к чему эти расспросы? Это как-то связано со смертью бедной мисс Эванс?

О гибели девушки он заговорил прямо и без лишних уверток. Что это — непоколебимое хладнокровие или чистая совесть? Рок помнил, какую шумиху наделало это убийство: зловоние разложившегося тела заставило содрогнуться всю округу.

— Напрямую связано. Нам доподлинно известно, что вы единственный, кто переступал порог ее дома за последнее время.

— Неужели больше никого?

— По крайней мере, наши источники и данные уличных сканеров утверждают именно это.

— Должен ли я счесть это за честь?

— О чем еще вы говорили, помимо социальной помощи?

— В основном о вере — собственно, ради этого я и пришел. Хотя мисс Эванс и не жаловала церковь, у нее не было враждебности к религии как таковой.

— А поконкретнее? — Рок подался вперед, пресекая попытку отделаться общими фразами. — Коснулись ли вы вопросов первородного греха, спасения души, рая и ада? Или, быть может,

заговорили о сотворении мира?

Джеффри окинул визитеров долгим, оценивающим взглядом. Было очевидно, что Рок — тертый калач, знающий свое дело от и до, в то время как молчаливый Эска держался на заднем плане, словно неопытный стажер.

— Да, мы действительно упоминали сотворение жизни.

— И что послужило поводом?

— Ее работа, — пояснил Джеффри. — Стоило заговорить о ее проектах, как она буквально преобразилась. Мы коснулись не только религиозных текстов, но и прогресса, гуманизма, пофантазировали о будущем. Знаете, на самом деле мисс Эванс оказалась на удивление глубоким собеседником. Большинство людей сейчас до смерти боятся новых технологий, а она верила: даже если человечество сейчас блуждает во тьме, впереди нас ждет потрясающая эпоха.

— И вас это не покорило?

— Покорило? С чего бы? Из-за того, что прогресс якобы подрывает авторитет церкви? — Джеффри мягко усмехнулся. — Я понимаю, к какому извечному спору вы клоните. Но величайшие умы науки часто были глубоко верующими людьми. Научное познание и вера не враждуют, они дополняют друг друга.

— А если наука замахивается на тайну сотворения жизни? В свое время гелиоцентрическая система тоже довела инквизицию до белого каления. Как современная церковь относится, скажем... — Рок на секунду скосил глаза на Эску, — к клонированию, генетическому моделированию или созданию биосинтетических животных? И людей.

Джеффри мгновенно помрачнел, его взгляд стал жестким и холодным. Рок мысленно зафиксировал эту реакцию: вот она, та самая запретная грань. Его личная «ересь Коперника», которую благочестивый разум пастора принять категорически отказывался.

— Человеку не позволено играть в Бога, — после затянувшейся паузы отрывисто произнес Джеффри. — Закон на нашей стороне. Человечество духовно не созрело для подобных технологий. Эта гордыня приведет лишь к краху морали и тотальному саморазрушению.

— И чем же может навредить обычный механический щенок? — вкрадчиво спросил Рок, замечая, как напряглись плечи собеседника. — Вы упомянули, что Камилла делилась деталями своей работы. Она показывала вам свою последнюю модель? Собаку?

— С ней что-то не так?

— Значит, все-таки видели, — прижал его детектив. — И она вас шокировала. Точнее, шокировало то, насколько искусственная тварь похожа на живую. О чем вы подумали в ту секунду, господин Томас?

Джеффри промолчал.

— Господин Томас?

— Я и пальцем ее не тронул. Хотя отрицать не стану — это творение показалось мне глубоко порочным.

— Вы сочли ее грешницей?

— Постойте. Вы что, всерьез обвиняете меня в убийстве?

— Я этого не утверждал. Вы лишь главный подозреваемый.

— Только потому, что я нанес ей визит вежливости? — на красивом лице Джеффри отразилось искреннее, неподдельное возмущение. — Да, она хвасталась своей жутковатой игрушкой, но я не сумасшедший фанатик, чтобы проливать кровь из-за куска пластика и микросхем!

— Тогда как вы объясните это? — Рок выложил на полированную поверхность стола снимок засохшей ветки вяза. Прежде чем пастор успел раскрыть рот, детектив нанес следующий удар: — Как вам гулялось по парку в разгар конференции, Джеффри?

— Мне нужно позвонить, — процедил Томас, потянувшись к лежащему на краю стола смартфону.

— Воля ваша. Можете звонить адвокату, можете молчать. Только помните: когда отвечать на эти вопросы придется под протокол в допросной, расклад будет совсем другим, — Рок прищурился, в упор глядя на собеседника. — Вы ведь прекрасно понимаете, что мы пришли сюда не в бирюльки играть.

<http://bllate.org/book/19605/2002670>